УДК 322.2

САКРАЛЬНОЕ И ПРОФАННОЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: УРОКИ ИСТОРИИ

Осипов Олег Викторович,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заместитель директора, кандидат исторических наук, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: osipov@chel.ranepa.ru

Аннотация
В статье рассматриваются вопросы теории и практики взаимоотношения Русской православной церкви и государства в исторической ретроспективе, значимого места религиозных идей и деятельности в жизни общества и страны. Практика последних нескольких лет излишне тесного соработничества государства и Русской православной церкви демонстрирует, что благие намерения власти оборачиваются для церкви потерей морального авторитета в обществе.

Ключевые понятия:
сакральное, профанное, Русская православная церковь, церковь и государство, постсекулярный ренессанс, симфонии власти и церкви.

Проблеме разграничения и взаимообусловленности сакрального и профанного любой религии посвящено немало работ. Единых подходов к указной дихотомии между светскими и религиозными мыслителями, учеными не существует. Но, безусловно, что эти термины выступают как тесно взаимосвязанные феномены и парные понятия. Содержанием сакрального выступает, как правило, нечто священное, божественное, каноническое, безусловное, не нуждающееся в доказательствах. Смысловое содержание профанного – мирское, приземленное, материальное, практическое. В самом широком смысле – это «область религии начинается в зоне, относящейся к «там», то есть за пределом имманентной границы, отделяющей «там» от «здесь» … В понятие «здесь» включается то, что в социологии принято называть «профанным», а в понятие «там» – «сакральным». Пара «сакральное» («там») – «профаническое» («здесь») – составляет социальную структуру религии» [1]. Применительно к Русской православной церкви, как системообразующего элемента российской идентичности, менталитета имеет смысл рассмотреть в качестве профанного практику взаимодействия российской власти и господствующей конфессии, а в качестве сакрального – теоретическое обоснование естественной симфонии, соработничества власти и церкви.

Не вдаваясь в частности и исключения, можно смело утверждать, что с момента принятия православия Русью при князе Владимире и до падения российского самодержавия при императоре Николае II Русская православная церковь была тесно слита с государством, что получило выражение в православном учении о симфонии государства и церкви. Более того, с начала XVIII века, лишившись института Патриаршества, управление Русской православной церковью сосредоточилось в одном из государственных ведомств, носившем название Святейший Правительствующий Синод.

Именно он определял, что деятельность церкви должна заключаться в приобретении особого уважения и доверия прихожан своему приходу, в церковной проповеди или в домашнем назидании паствы, в ощутимом влиянии при вразумлении заблудших, в христианском образовании детей, в благотворительности, в наставлениях врачебных и хозяйственных. Кроме того, она была наделена и государственными функциями, такими как учет населения, регистрация родившихся детей, бракосочетания, регистрация умерших.

«Взаимоотношения православной церкви Российской империи и государства можно определить следующим образом: церковь тесно слилась с государством, последнее господствовало над церковью, сделало ее орудием политики, а та широко пользовалась услугами государства вплоть до обращения в свое лоно иноверцев» [4, с. 29].

На протяжении всей истории российского государства православная церковь официально занимала особое, основное место среди всех иных религиозных конфессий России. Православие являлось государственной религией. «Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная кафолитического восточного исповедания», – гласил закон «О вере».

Обладая известной автономией в патриарший период своего существования, во времена Петра I православная церковь утратила возможность самостоятельно решать свои внутренние дела. Она все более и более срасталась с государственными структурами. Со времен Духовного регламента (с 1721 года) священник должен был немедленно доносить об открывшихся на исповеди замыслах или действиях верующих, направленных против монарха и государства. Духовенству, особенно приходскому, вменялось в обязанность «предостерегать своих прихожан противу ложных и вредных разглашений и утверждать в благонравии и повиновении господам своим»[1]. Все решения Синода должны были получить одобрение и утверждение императора. Государство не только определяло характер своих отношений с церковью, но и церкви с обществом, регулировало гражданские права клириков, их семей и монашествующих, законодательно оформляло статус храмов и монастырей, порядок накопления и использования материальных средств.

Российское законодательство де-юре закрепляло особые преференции Русской православной церкви. Оно вменяло в обязанность православным приобщать иноверцев к «владычествующему вероисповеданию» и вводило запрет для иноверцев вести миссионерскую деятельность среди православных. Детей, рожденных от родителей разной конфессиональной принадлежности, обязательно крестили по православному обряду, если отец или мать принадлежали к господствующей вере. За выход из православия, а главам семей – за принуждение жен отречься от него или крещение детей в иной вере, предусматривалась отдача под суд с последующим наказанием. Владельца крепостных крестьян, уличенного в отступлении от православия, ожидало существенное ограничение личных и имущественных прав. Виновный терял право проживать в собственных поместьях, где обитали православные, брать крепостных в услужение. Его населенные имения отдавали в опеку, причем ни муж, ни жена ренегата участвовать в ней не могли. Ограничения снимали только в том случае, если он возвращался в лоно господствующей церкви[2].

Законы определяли взаимоотношения церкви с государем. Включенный в Свод законов Российской империи М.М. Сперанским раздел «О вере» декларировал, что «император яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия, и всякого в церкви Святой благочиния. В сем смысле император именуется главою церкви»[3]. В условиях, когда церковь была лишена патриаршего правления, эта формула имела двусмысленный характер, ставя светское лицо над всей церковью и закрепляя за ним роль высшего авторитета в делах православия. Именно упомянутая статья 42 на протяжении многих лет служила основой для критики взаимоотношений императорской власти с Русской православной церковью. Термин «казенная», характеризующий положение церкви, занял прочное место в русской демократической и иностранной либеральной литературе.

Долгая практика симфонии церкви и государства приводила к тому, что церковь разучивалась говорить с обществом без посредничества властных структур. Государство боролось с ересями, финансировало и организовывало церковно-приходское образование, церковную благотворительность.

Основными сферами деятельности Русской православной церкви во все времена были: литургическая, культурно-идеологическая, политическая, административная и морально-нравственная. Однако в XIX веке, под нажимом государства она была вынуждена помимо своей главной – литургической – все более активизироваться и

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собр. – 1. Т. VI. № 3718. Т. XVIII. № 17789.
[2] Свод законов Российской империи 1857 г. Т. XIV. Устав о предотвращении и пресечении преступлений. Ст. 47–49, 50–51.
[3] Свод законов Российской империи 1857 г. Т. 1. Осн. государственный закон. Ст. 42.

сосредоточиться в тех, которые были тесно связаны с охранением самодержавия, особенно – в культурно-идеологической.

Проблема отношений церкви с государством особенно пристальное внимание русского общества привлекла во время подготовки отмены крепостного права, поскольку ее связь с развитием духовной жизни народа была совершенно очевидной. Большинством российского общества тесные узы православия с государством, освященные столетиями российской истории, воспринимались как вполне естественное и положительное явление. Однако росло число тех, кто критиковал излишне тесный союз церкви и власти. Выпады критиков излишней симфоничности клириков и чиновников вызывали болезненную реакцию в самой церкви и раздражение официальных государственных структур, вызвали появление ответных мер, чаще всего в виде анонимных изданий, сочинители и авторы которых доказывали пользу и полную гармонию церковно-государственного альянса. Попытки представить православную церковь как суверенный голос совести не достигали успеха, поскольку сама концепция верховной власти, зафиксированная в Своде законов, не оставляла сомнений в ее подчиненном положении.

Со своей стороны православная церковь в лице Святейшего Синода тоже выражала определенное отношение к власти и государству. Однако если государственная позиция ясно была сформулирована и документирована в законодательстве, то официальной, принятой, утвержденной доктрины отношения церкви к государству не существовало.

На фоне прогресса естествознания, выдающихся достижений науки и техники, всех отраслей художественного творчества, названного «золотым веком русской культуры», развитием революционно-демократических, либеральных идей и практик, особенно во второй половине XIX века произошло отторжение большой массы российской интеллигенции от истинной воцерковленности. В то же время в массе крестьянства этого же периода начинают нарастать асоциальные явления, ранее не так ярко выраженные и массовые, отмечаемые самими православными пастырями – хулиганство, пьянство, драки, сквернословие, воровство, неуважение старших.

В начале XX века под воздействием широкого развития промышленного производства, столыпинских аграрных преобразований, роста популярности антимонархических настроений, революционных событий негативные духовно-нравственные тенденции получили дальнейшее развитие, секуляризация общественной жизни становится популярным трендом. Споры нигилистического отношения к православным канонам, церковным устоям проникают и в армейскую среду, особенно в период Первой мировой войны. Институт военного духовенства терял свою авторитетность. Он не смог эффективно противодействовать революционным настроениям солдатских масс, массовым дезертирствам, анархии, хаосу и неподчинениям, самосудам над командным составом и, в конечном итоге, развалу воюющей армии. По различным статистическим данным начала XX века, православными были около 80% военнослужащих всех чинов российской армии. Кажется парадоксальным тот факт, что за сравнительно небольшой срок большая масса солдат и нижних чинов перестала доверять русской церкви, своим пастырям, безусловно верить им. В чем причина? Ответ напрашивается сам собой: идущая в фарватере государственной политики Российской империи Русская православная церковь утратила безусловный моральный авторитет своей паствы, не смогла своевременно пресечь разрушительные духовно-нравственные тенденции, заявить о своей особой позиции и миссии. Ввиду объективных, субъективных причин и обстоятельств произошел перекос в деятельности господствующей конфессии в пользу увлечения профанным, а как следствие – дискредитация сакрального.

В известной работе А.И. Солженицына «Размышления над Февральской революцией 1917 г.», 100-летие которой ознаменовалось очередным всплеском интереса к тем памятным дням, вину за разрушительные революционные процессы автор относит как к власти, так и к господствующей церкви. «В дни величайшей национальной катастрофы России Церковь и не попыталась спасти, образумить страну. Духовенство синодальной церкви, уже два столетия как поддавшееся властной императорской длани, – утеряло высшую ответственность и упустило духовное руководство народом. Масса священства затеряла духовную энергию, одряхла. Церковь была слаба, высмеяна обществом, священники приниженны среди сельской паствы. Не случайно именно семинарии становились рассадниками атеизма и безбожия, там читали гектографическую запрещённую литературу, собирали подпольные собрания, оттуда выходили эсерами» [5].

Народ перестал видеть в православной церкви безусловного морального авторитета, выразителя правды, заступницу перед

царем и властями предержащими. Удивительно быстро произошла трансформация «народа-богоносца» в «народ-богоборец», одновременно с практическим опровержением, отторжением государственной доктрины «Православие. Самодержавие. Народность». Наиболее ярко и образно об этом написал профессор А.Б. Зубов в одной из своих работ. «Есть множество свидетельств широкой распространенности в русском обществе эпохи революции не просто равнодушия, а ненависти к вере и церкви. Эта ненависть не насаждалась большевиками – она была разлита в обществе, и большевики победили и вошли в силу потому, что их воззрения, методы и цели были вполне созвучны настроениям большинства русских людей. Не большевики отвратили от Бога русский народ, но сами русские люди, отвергнув веру и Церковь, породили из себя большевизм или, если угодно, призвали большевиков, как когда-то наши предки призвали на княжение варягов. Ясно, что без поддержки народа только что захватившие власть в России большевики не могли бы чинить по всей стране подобные насилия над верой и Церковью, насилия, вскоре достигшие масштабов поистине апокалиптических» [2, с. 47].

С развалом Советского Союза и падением советской власти Русская православная церковь вновь обрела достойное место в российском гражданском обществе. Поиски своего места в новых российских реалиях, программа участия Русской православной церкви в жизни общества и государства, предусматривающая попытки ответов на злободневные вызовы мира, была сформулирована церковью в 2000 году и получила название «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В этом документе РПЦ определила правила сотрудничества и своих взаимоотношений с государством, определив сферы его потенциальной реализации. В нем определенно обозначено, что во взаимоотношениях между церковью и государством должно учитываться различие их природ. «Целью Церкви является вечное спасение людей, цель государства заключается в их земном благополучии» [3] – гласят Основы.

Признается, что в современных реалиях XXI века государство является светским, и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Его сотрудничество с церковью ограничено рядом областей и основано на взаимном невмешательстве в дела друг друга. Тем не менее определяется, что государство сознает, что земное благоденствие немыслимо без соблюдения определенных нравственных норм. Поэтому задачи и деятельность церкви и государства могут совпадать как в достижении земной пользы, так и в осуществлении спасительной миссии церкви. Церковь, как указано в Основах, не должна брать на себя функции, принадлежащие государству: противостояние греху путем насилия, использование мирских властных полномочий, принятие на себя функций государственной власти, предполагающих принуждение или ограничение. В то же время церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, при этом право решения этого вопроса признается за государством. «Государство не должно вмешиваться в жизнь Церкви, в ее управление, вероучение, литургическую жизнь, духовническую практику и т.д., равно как и вообще в деятельность канонических церковных учреждений, за исключением тех сторон, которые предполагают деятельность в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством, его законодательством и властными органами. Церковь ожидает от государства уважения к ее каноническим нормам и иным внутренним установлениям» [3].

В последующие после принятия программы годы в нашей стране наступил ощутимый постсекулярный ренессанс религиозных норм, правил и практик. Мы становимся свидетелями и очевидцами «реинкарнации» религиозных духовно-нравственных ценностей, «реставрации» взаимоотношений церкви и государства, «реституции» влияния и имущественного положения «традиционных конфессий». В авангарде этого процесса – Русская православная церковь Московского Патриархата. Между тем очевидно, что она не должна копировать ошибки своего прошлого, слепо следовать практике предшественников. Национальная идея, сформулированная графом С.С. Уваровым в XIX веке, не является адекватной современным реалиям, даже в ее интерпретации и инварианте XXI века, не воспринимается большинством населения в качестве объединительной идеи или задачи. Различного рода преференции РПЦ могут привести приверженцев иных религий и неверующих к оппозиции не только православию, но и государству. Объединить все слои граждан многоконфессиональной России может не столько архаичная религиозная теория и практика, но единая культурная политическая традиция, опирающаяся на общеобязательное исполнение закона и развитые институты граж-

данского общества. Для этого необходимо разграничить секулярное и религиозное, сакральное и профанное. «Богу – богово, кесарю – кесарево». Нельзя допустить, чтобы «свобода вероисповедания» вошла в противоречие со «свободой совести», а Русская православная церковь множила практики опоры на власть, становилась «министерством веры» в государстве. Увы, но государственные судебные преследования за оскорбление чувств верующих становятся традиционными. Так, осуждение к реальному лишению свободы девушек панк-группы «Pussy Riot» в 2012 году, осуждение и приговор к условному сроку Руслана Соколовского за хамские видеоролики, снятые в Храме-на-Крови в Екатеринбурге, также оскорбившее чувства православных прихожан в 2017 году, вызывают широкий резонанс и дискуссии в обществе, свидетельствуют о все большем нарастании нетерпимости между верующими и неверующими гражданами. Более того, некоторые из них, в частности известный телеведущий В.В. Познер, придерживающиеся атеистических воззрений, начали задаваться вопросом об их возможном судебном преследовании только за наличие такового мировоззрения. По мнению все большего числа граждан, Русской православной церкви в первую очередь следовало бы самостоятельно, без карательной длани государства внушать таким хулиганам пагубность содеянного, используя свой нравственный авторитет, силу убеждения, инструментарий морального воздействия.

Неслучайно, что на фоне такого сущего, профанного, сакральное подвергается очередному испытанию. «На чиновничьем уровне власть просто перестала воспринимать Православную церковь не только как религиозную организацию, но даже просто как сущность, автономную от госаппарата. Это вполне естественное последствие для тех, кто привык постоянно обращаться к бюрократам с просьбами (причем отнюдь не духовного свойства). Рано или поздно чиновники таких просителей начинают мерить одной с ними меркой. Ну а когда ты слишком часто в ответ выполняешь уже их просьбы, то тебя и вовсе начинают держать за подчиненного. Так что нет совершенно ничего удивительно в том, что нашлись люди, которые, начав воспринимать РПЦ как одно из подразделений госаппарата, посчитали необходимым эту связь формализовать. Разумеется, с единственной целью – добавить эффективности»[4]. Практика последних нескольких лет соработничества государства и Русской православной церкви, демонстрация полного единения и безоговорочного одобрения действий власти церковью несколько избыточна.

Между тем, по данным опросов Левада-центра в феврале 2016 года по теме «Церковь и государство», мнение россиян о том, что религия должна оказывать значимое влияние на государственную политику, поддерживают не более трети опрошенных. Только 31% респондентов считают, что российские власти должны руководствоваться в своих действиях религиозными убеждениями, 24% – что церковь должна оказывать влияние на принятие государственных решений. Более половины россиян (56%) удовлетворены нынешним взаимодействием «светского» и «религиозного», считая, что церковь и религиозные организации оказывают на государственную политику влияния «ровно столько, сколько должно быть». Число тех респондентов, которые считают влияние церкви на политику недостаточным, и тех, кто видит преувеличенное влияние церкви, составляет практически равные доли (16% против 17%)[5].

Данные опросов общественного мнения ВЦИОМ 2015 года демонстрируют примерно ту же палитру мнений. Доля россиян, выступающих за сохранение конституционной нормы о светском государстве, за восемь лет заметно выросла: с 54% до 64%. Церкви следует влиять на духовную жизнь социума, но не вмешиваться в политику – таково представление об идеальных взаимоотношениях церкви, общества и государства у 47% наших сограждан. И столько же (47%) отмечают, что в настоящее время церковь верно выстраивает свои отношения с социумом, высказывая свою позицию только при необходимости и не вмешиваясь в вопросы, ее не касающиеся. Более половины россиян (57%) хотят жить в стране, где религия не оказывает значимого влияния на жизнь большинства людей, а вера или неверие является частным делом каждого[6].

Кроме того, нарастающая реституция некогда православных церквей и мона-

[4] Преображенский И. А. Церкви советы не нужны. URL: http://www.rosbalt.ru/blogs/2013/10/31/1194785.html (дата обращения: 27.04.2017).

[5] Левада-центр. Церковь и государство. 19.02.2016. URL: http://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2/(дата обращения: 03.05.2017).

[6] ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2861 Церковь и общество: вместе или порознь? 28.06.2015. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295 (дата обращения: 03.05.2017).

стырей, как правило, расположенных в больших городах, имеющих культурно-историческое значение, отреставрированных и отремонтированных за счет бюджетных средств, возведение новых в условиях непростой экономической ситуации вызывают нарекание и осуждение не только представителей иных традиционных конфессий, но и светских жителей. Наиболее яркий пример – передача Исаакиевского собора РПЦ.

Русской православной церкви, учитывая имеющийся исторической опыт, не следует в столь чрезмерной мере полагаться и опираться на государство, а шире использовать арсенал средств и уникальный инструментарий воздействия на граждан, присущий только ей, что и будет способствовать консолидации общества, поддержанию гражданского мира и согласия в светской поликонфессиональной России XXI века.

1. Дугин А.Г. Структурная социология. URL: http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/070509182401.xhtml (дата обращения: 03.05.2017).

2. Зубов А.Б. Сорок дней или сорок лет? // Новый мир. 1999. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/5/zubov.html (дата обращения: 03.05.2017).

3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Альфа и Омега, 2000. № 25, 26. URL: http://www.pravmir.ru/osnovyi-sotsialnoy-kontseptsii-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi/ (дата обращения: 03.05.2017).

4. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. 567 с.

5. Солженицын А.И. Ленин в Цюрихе. Рассказы. Крохотки. Публицистика. Издательство "У-Фактория". Екатеринбург. 1999. 750 с.

References

1. Dugin A.G. Strukturnaja sociologija, available at: http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/070509182401.xhtml (accessed 03.05.2017) [in Rus].

2. Zubov A.B. (1999) *Novyj mir*, no. 5, available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/5/zubov.html (accessed 03.05.2017) [in Rus].

3. Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi (2000) *Al'fa i Omega*, no. 25, 26, available at: http://www.pravmir.ru/osnovyi-sotsialnoy-kontseptsii-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi/ (accessed 03.05.2017) [in Rus].

4. Rimskij S.V. (1999) Rossijskaja cerkov' v jepohu velikih reform. Moscow, 567 p. [in Rus].

5. Solzhenicyn A.I. (1999) Lenin v Cjurihe. Rasskazy. Krohotki. Publicistika. Izdatel'stvo "U-Faktorija". Ekaterinburg, 750 p. [in Rus].

UDC 322.2

THE SACRAL AND SECULIAR IN THE ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: LESSONS OF HISTORY

Osipov Oleg Viktorovich,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Deputy Director,
Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: osipov@chel.ranepa.ru

Annotation
The article considers theoretical and applied aspects of relationships between the Russian Orthodox Church and the state in historical retrospective view, significant place of religious ideas and activity in the life of the society and the country. The recent practice of exceedingly tight collaboration of state and the Russian Orthodox Church shows that benevolent intentions of the power turns out to be losses of moral authority of the Church in the society.

Key concepts:
sacral,
seculiar,
the Russian Orthodox Church,
church and state,
post seculiar renaissance,
symphonies of power and church.